Этот термин используется не только в речи делегатов съезда, но и на собраниях трудящихся вплоть до середины 30-х годов прошлого века. Он был действительно ключевым как один из старейших политических терминов, т. к. имел хождение в различных слоях русского общества. Это отражено в художественной литературе, описывающей данный период жизни народа: *На повестке дня стоит семь очень важных по сложности и по содержанию вопросов: 1.* ***Текущий момент****. 2. Экономическая политика Советской власти* (Д. А. Фурманов. Мятеж (1924)); *На митингах освещался главным образом стереотипный «****текущий момент****»* (Д. А. Фурманов. Чапаев (1923)); *Но нельзя отрицать: эмигрантская пресса сделала все от нее зависящее, чтобы оттолкнуть от себя население современной России без различия классов, положений и направлений. В беседах часто затрагивали «****текущий момент****». Все единодушно констатируют хозяйственный подъем* (Н. В. Устрялов. Россия (У окна вагона) (1926)); *Я знаю «****текущий момент****», «национальную политику», «международные вопросы»* (Вениамин Каверин. Два капитана (1938–1944)) [НКРЯ]. Контекст приведенных иллюстраций, особенно наличие определения *стереотипный*, свидетельствует о фразеологизации выражения *текущий момент*.

Гибридизация терминологических систем разных научных направлений стала ведущей тенденцией при создании терминов различных наук.

Список использованных источников

1 Айзерман, Л. С. Ключевые слова / Л. С. Айзерман. – Русский язык в школе. – 1973. – № 4. – С. 39–43.

2 Зализняк, А. А. К типологии относительного предложения / А. А. Зализняк, Е. В. Падучева // Семиотика и информатика. – Вып. 6. Грамматические и семиотические проблемы. – М. : ВИНИТИ, 1975. – С. 51–101.

3 Катков, М. Н. Роман Тургенева и его критики / М. Н. Катков // Русский вестник. – 1862. – Т. 39. – № 5 – С. 393–424.

4 НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 24.05.2017.

5 Роднянский, В. Л. О роли ключевого слова в понимании текста / В. Л. Роднянский / Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. – Калинин, 1986. – С. 106–114.

6 Словарь Академии Российской : в 6 частях. – Часть III : от З до М. – Санктъ-Петербургъ : Императорская Академия наук, 1792. – 761 с.

7 Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 2: К – О. – 1983. – 736 с.

8 Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отделениемъ Императорской Академіи наукъ : в 4-х т. – САНКТПЕТЕРБУРГЪ : Въ Типографии Императорской Академіи Наукъ, 1847. – Томъ 1. – 416 с.

9 Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля / Третье, исправленное и значительно дополненное изданіе под редакцию проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. – Т. 1–4. –С.Петербург-Москва : Издание т-ва М. О. Вольф, 1903–1907. – Т. 1: А – З. – 1724 с.

10 Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелева // Collegium. – 1993. – № 1. – С. 33–41.

11 Шулятиков, В. М. К оценке текущего момента / В. М. Шулятников // Рабочее знамя. – 1908, ноябрь. – № 6.

УДК 811.161.1: [81’373:398.9]: 001.891

Е. И. Холявко

ИЗБАВИ НЫ ОТ НЕПРИЯЗНИ: К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА СЛОВА

Статья посвящена проблеме своеобразия русского литературного языка, обусловленного его историей, роли церковнославянского языка в обогащении концептосферы русского

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

языка. В качестве иллюстрации приводится славянская интерпретация греческого πονηροῦ в тексте Молитвы Господней.

Весь мир берет свое начало в Слове
Д. С. Лихачев

Размышляя о роли русского языка в судьбе русского народа, Д. С. Лихачев формулирует идеи, ставшие методологической основой современного лингвокультурологического исследования. «Язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности. Язык нации является сам по себе сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации» [1]. Богатство языка не исчерпывается богатством словарного запаса и грамматического потенциала. Богатство языка определяется также и глубинными смыслами, понимание которых удерживает системную целостность культуры, сохраняет осознанное восприятие духовной ценности, решает проблему национальной самоидентификации.

Своеобразие русского литературного языка обусловлено его историей, взаимодействием церковнославянского языка и русской разговорной речи. Следует принять во внимание не только сакральный, культурный характер церковнославянского языка, но и его надэтнический характер. Будучи литературным языком православных славян, церковнославянский язык имел более широкое распространение по сравнению с любым славянским языком, что дает основание считать его интеллектуальным наследием славянских народов, объединяющим духовным элементом. Авторитет апостольского языка, проросшего в виде церковнославянского языка русской редакции в высоких книжных стилях, органически слившегося с природной энергией народной речи, наполняет созидательной духовной силой русское слово. Это обеспечивает особые семантико-стилистические возможности современному русскому языку.

Н. И. Толстой пишет о значении древнеславянских текстов: «Говоря о роли кирилло-мефодиевской традиции в истории славянской письменности, мы имеем в виду прежде всего стремление к нормализации и сохранению древнеславянского (церковнославянского) языка как орудия межславянской культуры. Стремление это не всегда вело к возрождению архаических норм, хотя следует признать, что в принципе и такая цель ставилась при каждой достаточно широко задуманной попытке нормализации» [2, с. 144]. Характерно, что при книжных справах в истории Руси обычно заявлялась цель нормализации, которая интерпретировалась как следование архаичному образцу. Это способствовало «более широкой коммуникации не только в пространстве (для древнеславянского в ареале «греко-славянского мира»), но, что не менее важно, во времени. Последнее давало возможность сохранения и усвоения почти в полном объеме всего <…> литературного и культурного славянского наследия» [2, с. 54].

Д. С. Лихачев справедливо утверждает, что «церковнославянские слова, выражения и формы слов служили не только расширению русского литературного языка и просторечия, но и вносили оценочный элемент в мышление» [1]. Поэтому для современной лингвокультурологии важно исследование сакральных текстов, поскольку «постоянное обращение к молитвам, к богослужебным текстам, и особенно к Псалтыри, к текстам на церковнославянском языке на протяжении тысячелетия служило важнейшим источником обогащения концептосферы русского языка» [1].

Таким духовно значимым текстом является текст Молитвы Господней. Являясь продолжением профетического старославянского языка, церковнославянский наследует функцию выражения сакральных смыслов. Духовная сила Слова закономерно облечена в церковнославянскую форму. Духовная ценность церковнославянского Слова обусловлена единством заветного содержания и соответствующей формы. Поэтому на Руси всегда значительное внимание придавалось соблюдению кирилло-мефодиевской традиции – традиции пословного перевода. В этом отношении показателен выбор слова, сделанный славянским книжником при переводе молитвы Господней.

Перевод Кирилла и Мефодия не сохранился. В Мариинском Евангелии, относящемся к началу XI в., вывезенном в XIX в. из скита Богородицы на Афоне русским лингвистом

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

В. И. Григоровичем, находим наиболее древний из доступных для нас текстов: *Тако оубо молите вы с\. Отьче нашь иже си на небесьхъ да св\титъ с\ им\ твое. Да придетъ цёсарьствие твое. Да бу́детъ вола твоя ако на небеси и на земли. Хлёбъ нашь наставъшааго дьне даждь намъ дьнесь и отъпоусти намъ длъгы наш\ ако и мы отъпоуштаемъ длъжьникомъ нашимъ и не въведи насъ въ напасть нъ избави ны отъ неприазни. ако твое естъ цёсарьствие и сила и слава въ вёкы. Аминь.* (Мф., 6, 9–13) [3, с. 17]. Приведенный выше с графическими погрешностями, обусловленными техническими причинами, текст значительно отличается своим лексическим составом от известного всем современного варианта.

Ближе нам оказывается текст Остромирова Евангелия – наиболее раннего датированного восточнославянского памятника. Книга была переписана со старославянского оригинала для новгородского посадника Остромира диаконом Григорием с 21 октября 1056 г. по 12 мая 1057 г. [4, с. 11]. А. Х. Востоков издал Остромирово Евангелие и высказал мысль о том, что текст этого памятника восходит к переводу Кирилла и Мефодия. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что последнее прошение переведено иначе, чем в современной редакции, но так же, как и в приведенном выше тексте Мариинского Евангелия: *Отьче нашь иже си на небесехъ да св\тить с\ им\ твое. Да придеть цёсарьствие твое. Да бу́деть вола твоя. ако на небеси и на земли. Хлёбъ нашь насэштьныи даждь намъ дьнсь и оставь намъ длъгы наш\. ако и мы оставляемъ длъжъникомъ нашимъ и не въведи насъ въ напасть нъ избави ны отъ неприазни. ако твое естъ цёсарьствие и сила и слава въ вёкы. Амин* [5, лист 123–124].

Таким образом, привычное *Не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого* восходит к *Не введи нас в напасть, но избавь нас от неприязни,* где последняя словоформа является переводом греческого *πονηροῦ* в значении ‘от зла, от злого’. Славянское соответствие *неприязни* обнаруживается и в Архангельском Евангелии XI в., Новгородской Триоди XIII в., Сербском Часослове XIV в., но в Часослове 1423 г., Острожской Библии 1581 г. и в других более поздних памятниках записано *избави нас от лукаваго.* Этот перевод более позднего времени следует святоотеческой традиции, сообразно которой греческое *πονηρος* ‘зло’ естественно связывается с обозначением противника Бога, врага, злокозненного, хитрого и лживого. Мнения библеистов расходятся относительно того, является ли славянская лексема субстантивом мужского или среднего рода, а обозначаемое понятие – табуизированным выражением конкретной сущности или отвлеченного представления. Для лингвокультуролога в этой ситуации наиболее значимым оказывается актуализация внутренней формы избранных лексем, выводящая исследователя в устойчивую систему концептосферы, где доминирующим оказывается признак кривизны, отклонения от нормы, на основе которого закономерно формируются все вторичные смыслы – зла, вражды, лжи, коварства, лукавства [6, с. 34–39, 58, 73–74].

Концептуальная семантика более раннего славянского перевода также обусловлена глубинной семантикой избранного слова. Казалось бы, славянский переводчик руководствовался личным восприятием сокровенного текста. Однако этот субъективный выбор опирается на объективные универсалии, характеризующие картину мира не только православного книжника, но и просто русского человека. В заключительном прошении главной молитвы мы обращаемся с просьбой избавить от зла, где зло называется *неприязнью.* Если принять во внимание значение слова (ст.-слав. *неприязнь* ‘зло’, ‘злой дух’ [7, с. 372]) и его структуру (ст.-слав. *приязнь* ‘φιλία’, ‘дружба’, ‘преданность’ [7, с. 516]; др.-рус., рус.-цслав. *прияти* ‘любить’ [8, с. 1502]), то обращаемся с просьбой избавить нас от *не-любви*, что, конечно же, согласуется с глубочайшим духовным смыслом христианской молитвы. Любовь основана на свободе выбора, она формируется как способность и потребность отношений принятия себя, другого и мира. Это свет, направленный изнутри наружу, роднящий человека с другим и с самим собой. Путь семантического развития корня *люб* подтверждает устойчивые концептуальные связи: ‘свет, огонь’ > ‘желание, стремление, воля’ > ‘предпочтение’ > ‘выбор’. Если семы стремления, предпочтения легко обнаруживаются в семантике современного глагола *любить*, то сема выбора проясняется в родственных языковых единицах: разделительном союзе *любо, либо* или местоимении *любой* ‘каждый’; ‘какой угодно’. Можно привести и лат. *libĕr* ‘свободный’ дух’ [9].

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Таким образом, избранное славянским книжником слово становится источником обогащения концептосферы русского языка. Употребляясь и вне сакрального текста, оно сохраняет свою глубинную связь с исходным образом, приобретая с течением времени новые семантические оттенки. Но в составе молитвы намеренно созданное для передачи заветного смысла славянское слово является живым свидетельством многовекового духовного поиска человека. И в этом состоит непреходящая ценность светского научного исследования церковнославянского текста, способного объединить славян во времени и пространстве.

Список использованных источников

1 Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 280–287 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lihach/koncept.php. – Дата доступа : 18.10.2017.

2 Толстой, Н. И. История и структура славянских литературных языков / Н. И. Толстой; отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1988. – 239 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://danefae.org/djvu/istrusla. – Дата доступа : 18.10.2017.

3 Новикова, А. С. Старославянский язык / А. С. Новикова. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1984. – 278 с.

4 Новгородский край в русской литературе / ред. кол.: А. Л. Гавриков, Т. В. Игошева, В. А. Кошелев, Д. Б. Терешкина; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – 927 с.

5 Остромирово Евангелие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.docme.ru/doc/847327/ ostromirovo-evangelie-perevod. – Дата доступа : 21.10.2017.

6 Холявко, Е. И. Отражение мотива кривизны во вторичной семантике русского и белорусского слова / Е. И. Холявко; под ред. В. И. Коваля. – Гомель : УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», 2002. – 176 с.

7 Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : около 10 000 слов / Э. В. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 1999. – 842 с.

8 Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1902. – Т. 2: Л–П. – 1802 с.

9 Холявко, Е. И. Любить любого: о глубинной семантике древнего корня / Е. И. Холявко // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре : сб. научн. статей. Вып. 8 / редкол.: Т. Н. Усольцева (гл. ред.), И. Н. Афанасьев, Н. В. Суслова; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – С. 217–222.

УДК 811.512.164’373.233

Н. И. Шабулдаева

АРХИТЕКТОНИКА ТУРКМЕНСКОГО ИМЕНИ

Данная статья посвящена исследованию структуры сложного туркменского имени. В результате установлено, что мужских композитных имён значительно больше, чем женских. Только некоторые имена проявляют продуктивность и способны сочетаться с другими именами. Некоторые части сложного имени не имеют гендерной закреплённости.

Теоретическому осмыслению имени собственного на материале разных языков посвящено немало работ. Имя собственное рассматривается с разных точек зрения. Чаще исследуется его семантика, вернее связь с нарицательной лексикой языка. А. В. Суперанская с полным основанием утверждает: «Общее число имен собственных всех типов в каждом языке чрезвычайно велико, и отпечаток этой «громадности» ложится на каждое отдельное имя... [1, с. 9].

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ